

УДК 930.26(571.54+571.53+517.3)

Центральноазиатские кочевники бронзового и раннего железного веков в Прибайкалье: причины появления в регионе

А. Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с памятниками культуры плиточных могил в Прибайкалье. Дается краткая оценка взглядов различных исследователей с конца XIX в. до настоящего времени на датировку, причины появления населения этой культуры в регионе, историческую интерпретацию материалов из этих памятников. Обосновывается мнение о том, что появление культуры плиточных могил в Прибайкалье не было связано с широкомасштабными миграциями ее носителей из Забайкалья в результате политических событий, давления избытка населения на производительные силы или климатических изменений на территории Забайкалья и Монголии в позднем бронзовом и раннем железном веках. Доказывается, что расселение населения культуры плиточных могил небольшими группами в отдельных обособленных районах Прибайкалья происходило в целях установления экономических связей, обмена хозяйственной продукцией с местным населением.

Ключевые слова: Прибайкалье, бронзовый век, эпоха раннего железа, плиточные могилы, распространение памятников, датировка, историческая интерпретация, экономика, обмен.

Введение

Плиточные могилы являются характерными и широко распространенными археологическими памятниками эпохи бронзы и раннего железа степей и лесостепей Забайкалья, Монголии и аридной зоны Северного Китая. Они хорошо знакомы специалистам, занимающимся изучением бронзового и раннего железного веков Центральной Азии, Южной и Восточной Сибири. Вместе с тем плиточные могилы известны и в Прибайкалье – регионе в целом таежном, который с глубокой древности был краем охотников, рыболовов и собирателей. Прибайкальские плиточные могилы, открытые еще в 1880-х гг., получили историко-культурную оценку в трудах многих исследователей региона. При этом следует отметить, что характер интерпретации этих памятников изменялся в зависимости от выявления новых фактологических материалов и изменения состояния изученности археологии Прибайкалья и Забайкало-Монгольского региона.

Историографию обсуждаемой темы автор сознательно упускает, так как ей посвящена специальная работа [Цыбиктаров, 2016]. По этой причине лишь кратко отмечаются основные особенности подходов исследователей к освещению места и роли населения культуры плиточных могил в древней истории Прибайкалья.

В Прибайкалье плиточные могилы были открыты Н. Н. Агапитовым в 1880-х гг. [1881, с. 18]. В 1920-х гг. новые памятники выявил П. П. Хороших [1924]. Но после открытия они еще долгое время оставались своего рода «мертвым капиталом» в отношении освещения древней истории региона. Положение изменилось лишь в середине 1950-х гг. благодаря исследованиям А. П. Окладникова. Он на основании материалов раскопок плиточных могил, открытых им в 1952 г. в Кудинской долине в Приангарье, впервые обоснованно датировал эти памятники хуннским временем и связал их появление здесь с политическими событиями, происходившими в степях Центральной Азии и Южного Забайкалья. По его мнению, в конце III в. до н. э., после образования в степях Центральной Азии в 209 г. до н. э. хуннского государства, Забайкалье подверглось хуннской экспансии, в результате которой часть населения культуры плиточных могил мигрировала в Прибайкалье [Окладников, 1955а, с. 195–196; 1955б, с. 10; 1956, с. 90–91]. Точка зрения А. П. Окладникова нашла широкую поддержку у исследователей Н. Н. Дикова [1958, с. 69–70], В. В. Свирина [1971, с. 144], Ю. С. Гришина [1981, с. 199], Е. А. Хамзиной [1983, с. 83–84] и господствовала до 1980-х гг.

В конце 1970–1980-х гг. и в последующие десятилетия датировка времени появления плиточных могил в Прибайкалье была существенно удревнена. Одна группа исследователей – В. В. Свинин, М. А. Зайцев, О. И. Горюнова – стали относить это событие к началу скифской эпохи – VIII–VII вв. до н. э. [Зайцев, Свинин, 1978, с. 40; Горюнова, Воробьева, 1986, с. 52; Горюнова, 1993, с. 78–79; Харинский, Зайцев, Свинин, 1995, с. 76–77; Харинский, Зайцев, 1995, с. 195, 197]. Другая группа ученых – А. Д. Цыбиктаров, Г. В. Туркин, А. В. Харинский – удревнили дату распространения плиточных могил в регионе до позднего бронзового века – конца II тыс. до н. э. [Цыбиктаров, 1989, с. 15, 22; 1998, с. 154–155; Туркин, 2003, с. 11–14, 16; 2004, с. 83–84; Харинский, 2005, с. 198–199]. При этом никто не возражал и против мнения А. П. Окладникова и его последователей о том, что эти памятники в Прибайкалье существовали и в конце III – начале II в. до н. э. Таким образом, разногласия касаются лишь определения времени появления населения культуры плиточных могил в регионе.

Удревнение времени проникновения населения культуры плиточных могил в Прибайкалье до позднебронзового или раннескифского вызвало необходимость разработки вопроса о причинах миграции носителей этой культуры в регион. Было высказано несколько мнений. Л. П. Хлобыстин считал, что миграция скотоводов из Забайкалья была вызвана климатическими изменениями в регионе в направлении сухости [Хлобыстин, Студзицкая, 1987, с. 344]. По нашему мнению, появление плиточных могил в крае было связано с экономическими причинами – установлением взаимовыгодного обмена хозяйственной продукцией между степными племенами Забайкалья и Монголии, с одной стороны, и таежным населением Прибайкалья – с другой [Цыбиктаров, 1989, с. 15, 22; 1998, с. 154–157]. Ю. С. Гришин дополнил свои взгляды еще одним фактором – давлением избытка населения на производительные силы общества в степных районах Забайкалья [1995, с. 62–63].

В отношении влияния носителей культуры плиточных могил на культурно-исторические процессы в крае исследователи с середины 1950-х гг. отмечали привнесение ими в регион скотоводства и появление под их влиянием в культуре местного населения бронзовых изделий карасукского облика. Также высказывалось мнение о возможном участии населения культуры плиточных могил в генезисе курумчинской культуры эпохи средневековья или его опосредованном влиянии на этот процесс [Окладников, 1955б, с. 10; Диков, 1958, с. 69–70; Хлобыстин, Студзицкая, 1987, с. 341; Харинский, 1995, с. 97–98; Горюнова, 1993, с. 78–79; Цыбиктаров, 1999, с. 120–121, 170, 172].

В связи с появлением в настоящее время новых сведений о плиточных могилах в Прибайкалье, а также о разнообразных процессах, происходивших в степях Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннего железа, автор статьи счел возможным вернуться к обсуждению рассматриваемой проблемы.

Обсуждение материалов и источников

Прежде чем обратиться к поднимаемой в статье теме, хотелось бы остановиться на изменениях источниковой базы по плиточным могилам Прибайкалья по сравнению с серединой 1950-х гг. Новизна источников обуславливает формирование новых подходов и представлений в интерпретации причин появления, роли и значения населения этой скотоводческой культуры в историческом развитии населения края. В данном отношении отметим следующие основные моменты. В 1960–2000-х гг. объемы полевых исследований во всех районах Прибайкалья благодаря усилиям иркутских, новосибирских и бурятских археологов, по сравнению с предшествующим временем с конца XIX в., многократно увеличились. Это относится, в том числе, и ко всем остепненным районам Прибайкалья и Приангарья. В условиях открытых степных пространств обнаружение плиточных могил не представляет большой трудности, так как они хорошо видны издали на фоне степного ландшафта в виде оградок из наклонно или, реже, вертикально стоящих плит на современной поверхности и легко атрибутируемы. Возросшие объемы полевых исследований плиточных могил в регионе внесли следующие изменения в источниковую базу. Во-первых, значительно увеличилось количество местонахождений этих памятников в Прибайкалье. Во-вторых, существенно умножилось число раскопанных погребений. И, в-третьих, многократно увеличилась вещеведческая база для их изучения – резко возросло количество разнообразных находок из захоронений (украшения, орудия труда, предметы вооружения, конской сбруи и т. д.).

Количественно и качественно изменившийся состав находок предметов материальной культуры из плиточных могил внес принципиальные изменения в датировку этих памятников в регионе. Бронзовые изделия карасукского типа (бляшки-пуговицы, зеркало с петелькой на обороте), планковидная бляшка с фигурными окончаниями в виде свернувшейся в кольцо пантеры, удила со стремечковидными окончаниями, зооморфные бляшки, поясная пряжка круглой формы с рамковидным выступом, крестовидные бляшки, бляшка со спирально-вихревым орнаментом, бронзовые и костяные наконечники стрел, костяные трехдырчатые псалии, концевые накладки луков, редкие изделия из же-

леза позволили коренным образом изменить представления о времени пребывания носителей культуры плиточных могил в регионе. Об этом также свидетельствуют радиоуглеродные даты и выявленные конструктивные особенности раскопанных плиточных могил. Скотоводы из забайкало-монгольских степей появились здесь намного раньше, чем это представлялось ранее, в 1950–1960-х гг. Они сюда проникли в позднебронзовое время, в конце II тыс. до н. э., и продолжали здесь находиться до конца скифского времени – III в. до н. э. [Зайцев, Свинин, 1978, с. 40; Горюнова, Воробьева, 1986, с. 52; Цыбиктаров, 1989, с. 15, 22; 1998, с. 154–155; Горюнова, 1993, с. 78–79; Харинский, Зайцев, Свинин, 1995, с. 76–77; Харинский, 1995, с. 97–98; Харинский, Зайцев, 1995, с. 195, 197; Дашибалов, 1995, с. 83]. Возможно, последние из них находились здесь, как полагал А. П. Окладников, и в начале хуннского времени – конец III – начало II в. до н. э.

Удревнение даты появления населения культуры плиточных могил в Прибайкалье до позднебронзового или, по меньшей мере, раннескифского времени поставило, как уже говорилось выше, на повестку дня вопрос о выяснении причин миграции носителей этой культуры в регион почти на тысячу лет раньше, чем это считалось ранее, в 1950-х – начале 1980-х гг. Версия А. П. Окладникова о причинах проникновения забайкальских скотоводов в Прибайкалье под влиянием политических событий в Монголии и Забайкалье на рубеже III–II вв. до н. э. касалась лишь конца времени пребывания носителей культуры плиточных могил в крае и никак не объясняла их нахождение в более ранние периоды времени.

В 1970–2000-е гг. изменения произошли и в отношении определения территориальных пределов распространения плиточных могил в Прибайкальском регионе. К 1980-м гг. к трем ранее известным районам их распространения – Приольхонью, Кудинским степям и устью Унги в Приангарье – добавилась, благодаря исследованиям Е. А. Хамзиной, Баргузинская долина, которая располагается уже на противоположном, восточном побережье оз. Байкала, где ранее плиточные могилы не были известны. Здесь, в Куйтунской степи, Е. А. Хамзиной в 1963 г. было открыто два могильника. Один из них получил название Шулуун Шэнэгэльжин и был очень крупным, насчитывая 60 погребений. При этом в состав могильника входила и другая разновидность этих памятников – фигурные могилы [Хамзина, 1983].

В 1978 г. автором статьи и А. В. Тиваненко на городище Байкальское VIII (Северный Байкал) были отмечены остатки трех каменных сооружений, которые по внешнему виду и размерам напоминали плиточные могилы Забайкалья и Монголии [Цыбиктаров, 1979, с. 6, рис. 23, 25]. Тогда же исследователями на Северном Байкале в местности Лударь (пункты 2–4, возможно 5) были выявлены несколько местонахождений наскальных рисунков, очень близких по стилю, сюжетам и технике исполнения петроглифам населения культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии. Эти рисунки получили название селенгинских [Тиваненко, Цыбиктаров, 1979; Тиваненко, 1990, с. 13–14, рис. 11–19 приложения]. В 1979 г. А. В. Тиваненко открыл еще два пункта местонахождений рисунков селенгинского типа на о. Ольхон – Шара-Хапсагай и Хоргой [Тива-

ненко, 1990, с. 16, 18–19, рис. 7–8 в тексте, 21, 3, 4 в приложении]. Таким образом, в результате исследований А. В. Тиваненко и А. Д. Цыбиктаровым был поставлен вопрос о наличии еще одного района распространения плиточных могил в Прибайкалье – на северном побережье оз. Байкал. Вместе с тем был расширен круг археологических памятников носителей рассматриваемой культуры в Прибайкалье за счет наскальных рисунков селенгинского типа. Однако позже большие объемы раскопок в заливе Лударь осуществили экспедиции А. В. Харинского и его коллег. Но в их публикациях нет каких-либо упоминаний о наличии реальных плиточных могил в этом районе. Тем не менее А. В. Харинский и Д. Е. Кичигин, несмотря на свои специальные полевые работы на этом участке байкальского побережья, включили данный район в состав общности культуры плиточных могил [Харинский, 2005, рис. 1, 2; Кичигин, 2012, с. 15]. По-видимому, наши с А. В. Тиваненко предположения все же не подтвердились. Вероятно, северное побережье оз. Байкал было преждевременно включать в зону распространения плиточных могил в Прибайкалье. Но, с другой стороны, обращает на себя внимание наличие здесь наскальных рисунков селенгинского типа. Эти петроглифы не могли появиться без участия в их создании носителей рассматриваемой культуры. Видимо, вопрос о наличии плиточных могил на Северном Байкале снимать с повестки дня все-таки не стоит. Немаловажно также отметить, что в природно-экологическом отношении район с. Байкальского и залива Лударь представляет собой пусть и небольшой, но типичный участок лесостепной зоны, аналогичный ландшафтам Селенгинского среднегорья в Западном Забайкалье.

Таким образом, широкомасштабные полевые работы 1970–2000-х гг. в Прибайкалье и Приангарье на первый взгляд, казалось бы, расширили ареал плиточных могил в регионе. Но вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти памятники в Прибайкалье распространены не повсеместно, а концентрируются в обособленных местах остепненных районов Приольхонья, Кудинской, Баргузинской долин и устье р. Унги. Возможно, они имеются в районе залива Лударь на Северном Байкале. При этом необходимо отметить, что во всех указанных районах, за исключением последнего, имеются достаточно протяженные открытые степные пространства (длина о. Ольхон составляет 72 км, а ширина достигает 15 км). Данное обстоятельство позволяло скотоводческому населению культуры плиточных могил осваивать эти обширные пространства и расселяться повсеместно по долинам рек Куда, Унга и Баргузин, а также по о. Ольхон и прилегающему к нему остепненному западному побережью оз. Байкал, которые были пригодны для ведения привычных форм скотоводческого хозяйства.

Однако в реальности такого повсеместного расселения плиточников по степным пространствам Прибайкалья не происходило. Во всех указанных выше районах население культуры плиточных могил, судя по картографии его могильников, селилось весьма компактно, небольшими гнездами-скоплениями на незначительном удалении друг от друга в Приольхонье и фактически в одиночных небольших микрорайонах в долинах р. Куды – в Манхае и р. Баргузин – в местности Шулуун Шэнэгэльжин, а также в устье р. Унги. Эти особен-

ности распространения плиточных могил в остепненных районах Прибайкалья резко контрастируют с повсеместным их распространением в степях Забайкалья и Монголии. Данные факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что ни в позднебронзовое время, ни в раннем железном веке крупномасштабного массового расселения населения культуры плиточных могил по Прибайкалью не происходило. Поэтому высказанные ранее исследователями мнения о политических и экономико-демографических причинах появления плиточного населения в Прибайкалье вряд ли соответствуют действительности и, с нашей точки зрения, не могут быть приняты.

Для выяснения причин появления населения культуры плиточных могил в Прибайкалье хотелось бы обратить внимание на следующие факты и обстоятельства. По данным О. И. Горюновой, к 1993 г. в Прибайкалье было выявлено 31 местонахождение плиточных могил [1993, с. 77–78]. В 1993–1994 гг. было выявлено еще 11 местонахождений этих памятников [Харинский, Зайцев, Сви́нин, 1995, с. 64]. Казалось бы, эти данные свидетельствуют о достаточно массовом распространении населения культуры плиточных могил по Прибайкалью. Однако при более внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что при относительно большом количестве местонахождений (42) в реальности пунктов сосредоточения плиточных могил в одной местности намного меньше, так как эти памятники, расположенные на небольшом удалении друг от друга, обозначаются как несколько отдельных местонахождений. В качестве примеров можно привести такие объекты, как Сарма VI, VIII, X, Усть-Горхон I, II, Еланцы II, IV, VIII, Хонхой I, VIII, Маломорец II, III, Хужир II, IV, Будун I, V [Горюнова, 1993, с. 78; Туркин, 2003, с. 9], Олзонтой I, VI, VIII, XVI [Туркин, 2003, с. 9]. Эти 20 памятников из 42 располагаются в восьми местностях. Обращает на себя внимание и такое обстоятельство, как небольшое количество кладок в них (от одной до четырех) и преобладание одиночных захоронений [Горюнова, 1993, с. 78]. Местонахождения, включающие одну-две могилы, вообще составляют подавляющее большинство могильников – свыше 57 % от их общего количества [Туркин, 2003, с. 8]. Если приведенные выше количественные сведения о памятниках культуры плиточных могил соотнести с общей площадью остепненных пространств в Прибайкалье, то плотность размещения плиточного населения в регионе окажется относительно невысокой.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. Население культуры плиточных могил селилось в Прибайкалье не повсеместно, а в отдельных районах, создавая там своего рода колонии. В противном случае все остепненные участки были бы заселены и картина распространения плиточных могил в крае выглядела бы совершенно иначе, могильники встречались бы повсюду. Вероятно, задача повсеместного расселения по остепненным районам Прибайкалья не стояла перед населением этой культуры. Хотя объективные возможности для бесконфликтного освоения плиточниками степной и лесостепной зоны Прибайкалья имелись. По своему хозяйственно-бытовому укладу население Прибайкалья являлось охотниками, рыболовами и собирателями и занимало экологическую нишу лесной таежной зоны края. Степные районы не входили в сферу их основных хозяйственных интересов. В результате основа экономической

базы пришлых скотоводов не имела непримиримых противоречий с жизненно важными основами хозяйственных занятий местного населения.

Расселение скотоводов-плиточников на территории трех достаточно крупных остепненных областей Прибайкалья гнездами-колониями могло преследовать, на наш взгляд, вполне определенные экономические цели. Они могли заключаться не в широком освоении степных районов региона, а в установлении взаимовыгодного хозяйственного обмена своей продукцией с местным населением. Для этого вовсе не нужно было расселяться по всей остепненной зоне региона, достаточно было обозначить места, где мог производиться такой обмен, и основать в них свои стойбища. Предбайкалье в природном отношении отличается от Забайкалья гораздо большим количеством выпадения осадков в течение всего года. В данном случае важно отметить значительную толщину снежного покрова, что делало невозможным для плиточного населения выпас скота в зимнее время, как оно практиковало это в степях Южного Забайкалья и Монголии. Вероятнее всего, в прибайкальских стойбищах-колониях скот разводился пришельцами в небольшом количестве, для удовлетворения собственных потребностей. Возможно, какая-то небольшая часть скотоводческой продукции в необходимых случаях могла идти на обмен с окружающим таежным населением. Скорее всего, количество разводимого скота ограничивалось возможностями заготовок корма на зиму, когда выгон скота на пастбище был невозможен из-за большой толщины снега или же поголовье выгонялось пастись на непродолжительное время. Недалеко от места поселения закладывались и могильники, которые не могли быть многочисленными и крупными по размерам. Надо полагать, более влажный по сравнению с Забайкальем и Монголией климат Прибайкалья позволял пришельцам в большей мере, чем в забайкало-монгольских степях, заниматься земледелием, которое имело крайне небольшое значение в их хозяйственных занятиях на коренных землях вследствие особенностей резкоконтинентального климата в Центральной Азии [Цыбиктаров, 2003, с. 35]. Вероятно, истоки земледельческой культуры более позднего средневекового населения в Прибайкалье, как и скотоводства, также уходят во времена появления здесь населения культуры плиточных могил.

Относительно небольших размеров могильников и очажного, гнездового размещения памятников культуры плиточных могил в Прибайкалье хотелось бы коснуться еще одного момента. В первобытных обществах хозяйственно-промысловые угодья всегда рассматривались как жизненно важная основа жизнедеятельности. По этой причине не допускались посягательства на них со стороны не только иноплеменного населения, но и этнически близкой соседней общины. Думается, что это обстоятельство является еще одной из причин очажно-гнездового размещения плиточных могильников в регионе. В противном случае – более свободного расселения пришельцев в регионе – их появление могло быть воспринято как притязание на территорию проживания местного населения. Такая интерпретация вполне допустима по той причине, что остепненные районы, несмотря на их островное расположение среди лесного таежного края Прибайкалья и их второстепенное хозяйственное значение для экономики местного населения, должны были в целом рассматриваться мест-

ными охотниками и рыболовами как потомственные традиционные земельные угодья. Это должны были учитывать носители культуры плиточных могил при их появлении в Прибайкалье.

Будет уместным привести сведения, относящиеся к тому же времени, когда плиточники появились в рассматриваемом регионе, но связанные уже с их взаимоотношениями с пришельцами на своих коренных территориях в степях Центральной Монголии и Южной Бурятии. Автором имеется в виду переселение сюда носителей культуры херексуров и оленных камней из Западной Монголии под воздействием природно-климатических катаклизмов (аридизации климата) в конце II – начале I тыс. до н. э. В свою очередь, население культуры плиточных могил по тем же самым причинам продвинулось далеко на запад, на территорию культуры херексуров, вплоть до котловины Больших озер в Западной Монголии.

Магистральным путем продвижения населения обеих культур на территорию друг друга была долина р. Селенги, протянувшаяся в широтном направлении с запада на восток по территории Монголии, а затем с юга на север по Монголии и Западному Забайкалью, в конечном итоге вновь уходя на запад до впадения в оз. Байкал. В результате этих перемещений образовалась огромная контактная зона протяженностью около 1300 км с востока на запад и около 600 км с севера на юг [Цыбиктаров, 2012, с. 283–288]. Причем на севере херексуры известны на границе тайги и степи в районе г. Улан-Удэ, в нескольких десятках километрах по прямой линии от побережья оз. Байкал.

Основным видом хозяйства населения обеих культур являлось кочевое и полукочевое скотоводство [Цыбиктаров, 2003, с. 33–36]. При ухудшении экологической ситуации миграция населения культуры херексуров из мест своего проживания в Западной Монголии на восток до Забайкалья должна была преследовать, прежде всего, поиски новых пастбищных угодий. В результате приток нового населения при схожем типе экономики затрагивал жизненно важные хозяйственные интересы местного населения – культуры плиточных могил. Это неизбежно вело к возникновению прямых конфликтов между мигрантами и автохтонным населением, так как увеличивалась плотность населения и росла интенсивность эксплуатации пастбищ. По этой причине во время миграций на контактной территории имели место многочисленные столкновения. Они нашли отражение в фактах обоюдных осквернений могил, святилищ и жертвенников, фрагментации оленных камней, их использовании наряду с камнями кладок херексуров и плиточных могил в качестве строительного материала при сооружении обоих типов погребальных сооружений на могильниках местного и пришлого населения и т. д. [более подробно: Цыбиктаров, 2013]. В Прибайкалье же во взаимоотношениях пришлого скотоводческого плиточного и местного охотничье-рыболовческого населения, по материалам раскопок, ничего подобного не прослеживается.

В свете известной на настоящее время информации о влиянии и последствиях природно-климатических изменений на культурно-исторические процессы в степях Монголии и Юго-Западного Забайкалья [Цыбиктаров, 2012, 2013] предположение Л. П. Хлобыстина об изменении климата в сторону за-

сушливости как одной из причин продвижения населения культуры плиточных могил в Приангарье не может быть принято. В период фазы аридизации климата в степях Монголии и Южного Забайкалья в конце II – начале I тыс. до н. э. территория остепненных районов Прибайкалья не была основной зоной хозяйственного освоения местным охотничье-рыболовческим населением. Поэтому эти районы представляли собой фактически «свободные» земли для заселения скотоводами-кочевниками, которые крайне нуждались в пастбищах и к тому же были более сильными и организованными в военном отношении по сравнению с лесным прибайкальским населением. Для плиточников, как и для населения культуры херексуров, не представляло большого труда занять под заселение и хозяйственное освоение прибайкальские степи. Однако ни те, ни другие такого не осуществили. Об этом свидетельствует полное отсутствие херексуров в степях Прибайкалья и незначительное количество плиточных могил в трех обособленных районах края. Они сосредоточены в одиночных микрорайонах в долинах рек Куда, Баргузин, устье р. Унги и известны в несколько бóльшем количестве на о. Ольхон и на западном побережье оз. Байкал. Указанные обстоятельства также противоречат и предположению Ю. С. Гришина о том, что одной из причин продвижения населения культуры плиточных могил в Прибайкалье являлось давление избытка населения на производительные силы.

Остепненные районы Прибайкалья в период позднего бронзового века и в скифское время не были освоены населением обеих степных кочевнических культур, вероятно, по той причине, что глубокий снежный покров в зимнее время не позволял им здесь заниматься традиционным для них кочевым и полукочевым скотоводством.

Итак, с нашей точки зрения, основной причиной появления скотоводов-плиточников в крае было их стремление установить взаимовыгодный хозяйственный обмен своей продукцией с местным таежным населением. В местах осуществления такого обмена степняки, вероятно, основали свои небольшие колонии-стойбища и оставили небольшие могильники.

Представители культуры плиточных могил налаживали обмен своей продукции на местные «товары» – специфические природные богатства Прибайкальского региона. Степняки могли поставлять, что уже ранее неоднократно отмечалось исследователями, более совершенные металлические изделия из бронзы, позже – железа и, вероятно, металл, а также продукцию скотоводческого и, возможно, земледельческого хозяйства. Установлению обмена продукцией между населением таежного Прибайкалья и степных районов Южного Забайкалья и Монголии в позднем бронзовом веке способствовали и давние культурные связи, существовавшие между Восточной Сибирью и южными районами Забайкалья и Монголии с более раннего времени – эпохи неолита, о чем также не раз писали исследователи. Ярким примером таких контактов и даже, возможно, прямого проникновения северного населения на юг являются находки керамики серовского типа с отпечатками сетки-плетенки на поверхности далеко на юге Монголии, что отмечали А. П. Окладников, А. П. Деревянко, В. В. Волков, Э. А. Новгородова и др. [Окладников, 1951, с. 169; 1962, с. 89; Деревянко, 1986, с. 246; Волков, 1967, с. 9–10; Новгородова, 1989, с. 57, 62–63].

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие основные выводы. Проникновение населения культуры плиточных могил в Прибайкалье началось в период позднего бронзового века, соответствующий карасукской стадии в Южной Сибири. Носители этой культуры сохраняли свое присутствие здесь и на протяжении скифского времени. Расселение носителей культуры плиточных могил в регионе носило очажно-гнездовой характер в трех, возможно четырех, узкокализованных районах края. Такая особенность распространения плиточных могил в Прибайкалье свидетельствует об ограниченном пребывании здесь населения этой культуры. Данная специфика расселения не может рассматриваться как надежный аргумент в пользу широкомасштабной миграции носителей культуры плиточных могил в Прибайкалье. Причинами появления небольших групп центральноазиатских кочевников-скотоводов не могли быть ухудшение экологической ситуации на территории их обитания в степях Забайкалья и Монголии в позднебронзовое время или давление избытка населения на производительные силы, а также политические события, происходившие на этих же территориях в хуннское время. Появление и пребывание населения культуры плиточных могил в Прибайкалье было обусловлено, вероятнее всего, причинами экономического характера – необходимостью налаживания взаимовыгодного обмена степняков-кочевников с охотниками-рыболовами прибайкальской тайги продукцией своего хозяйства. Такие отношения были налажены, по меньшей мере, в позднебронзовое время – карасукскую эпоху по южносибирской периодизации, и не прерывались на протяжении последующего скифского времени, т. е. с конца II тыс. до н. э. до III в. до н. э.

Список литературы

- Агапитов Н. Н.* Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала, городища Иркутской губернии / Н. Н. Агапитов // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. 12. – № 4–5. – С. 1–23.
- Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии / В. В. Волков. – Улан-Батор : Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
- Горюнова О. И.* Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) / О. И. Горюнова // Этнокультурные процессы в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76–80.
- Горюнова О. И.* Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене / О. И. Горюнова, Г. А. Воробьева // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1986. – С. 40–54.
- Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – М. : Наука, 1981. – 204 с.
- Гришин Ю. С.* Некоторые вопросы о памятниках культуры плиточных могил в Предбайкалье и на Байкале / Ю. С. Гришин // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – С. 63–64.
- Дашибалов Б. Б.* Плиточные могилы острова Ольхон / Б. Б. Дашибалов // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – С. 79–83.

Деревянко А. П. Древние культуры Монголии / А. П. Деревянко // Археология Зарубежной Азии. – М. : Высш. шк., 1986. – С. 234–250.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.

Зайцев М. А. Могильник раннего железного века Хужир II (о. Ольхон на Байкале) / М. А. Зайцев, В. В. Свинин // Археология и этнография Восточной Сибири : тез. докладов. – Иркутск, 1978. – С. 39–41.

Кичигин Д. Е. Поздний бронзовый и ранний железный века Северо-Западного побережья озера Байкал : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Е. Кичигин. – Владивосток, 2012. – 17 с.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия / Э. А. Новгородова. – М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. – 383 с.

Окладников А. П. Новые данные по древнейшей истории Внутренней Монголии / А. П. Окладников // ВДИ. – 1951. – № 4. – С. 162–174.

Окладников А. П. История Якутской АССР / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. 1. – 432 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Глазковская культура / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955б. – Ч. 3. – 374 с. – (МИА ; № 43).

Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура / А. П. Окладников // Народы Сибири. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 21–107.

Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.) / А. П. Окладников // СЭ. – 1962. – № 1. – С. 83–90.

Свинин В. В. Тырганский могильник / В. В. Свинин // Учен. зап. Иркут. обл. музея краеведения. – Иркутск, 1971. – Вып. 4, ч. 1. – С. 140–144.

Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии / А. В. Тиваненко. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1990. – 208 с.

Тиваненко А. В. Северобайкальский очаг селенгинских петроглифов / А. В. Тиваненко, А. Д. Цыбиктаров // Археологические открытия 1978 г. – М. : Наука, 1979. – С. 276–277.

Туркин Г. В. Лесостепное Предбайкалье в конце II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. В. Туркин. – Владивосток, 2003. – 24 с.

Туркин Г. В. Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II – I тыс. до нашей эры (к вопросу об этнокультурной ситуации) / Г. В. Туркин // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 82–93.

Хамзина Е. А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья / Е. А. Хамзина. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1983. – С. 75–85.

Харинский А. В. О появлении скотоводства в Предбайкалье / А. В. Харинский // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. – Ч. 2. – С. 95–98.

Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / А. В. Харинский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.

Харинский А. В. Исследование плиточных могил Приольхонья / А. В. Харинский, М. А. Зайцев // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 195–197.

Харинский А. В. Плиточные могилы Приольхонья / А. В. Харинский, М. А. Зайцев, В. В. Свинин // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – С. 64–78.

Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин, С. В. Студзицкая // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М. : Наука, 1987. – С. 327–350. – (Археология СССР).

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края / П. П. Хороших // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. Ин-та при Иркут. гос. ун-те. – Иркутск, 1924. – Т. 1, вып. 1. – 51 с.

Цыбиктаров А. Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ, 1979. – 13 с., 48 рис. ил.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Д. Цыбиктаров. – М., 1989. – 24 с.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 264 с.

Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Д. Цыбиктаров. – Новосибирск, 2003. – 49 с.

Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия / А. Д. Цыбиктаров // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор : Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – Т. 1. – С. 283–292.

Цыбиктаров А. Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века / А. Д. Цыбиктаров // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Чита, 2013. – Ч. 1. – С. 360–373.

Цыбиктаров А. Д. Памятники культуры плиточных могил в Прибайкалье (историографический аспект) / А. Д. Цыбиктаров // *Esse quam videri*: к 80-летию Германа Ивановича Медведева / отв. ред. И. М. Бердников, Е. А. Липнина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – С. 373–381.

The Central Asian Nomads of Bronze and Early Iron Ages in the Baikal Region (Reasons for the Appearance in the Region)

A. D. Tsibiktarov

Buryat State University

Abstract. The article is devoted to issues related to the Slab Grave Culture in the Baikal region. The author presents historiographic review in which the views of various researchers from the late 19th century up to date are exposed, as well as the reasons for the migration of the population of Slab Grave Culture to this region, the historical interpretation of materials of these monuments. The author forwards the view that the emergence of the slab graves in the Baikal region was not the result of the large-scale migration of this culture population from the Transbaikalia due to the political events (Xiongnu expansion to the territories inhabited by the Slab Grave Culture population), the pressure of surplus population on the productive forces and the changes in the natural conditions in Transbaikalia and Mongolia in the

Late Bronze and Early Iron Ages. The author argues that the resettlement of the population of Slab Grave Culture in small groups to certain isolated areas of the Baikal region with the purpose of establishment of economic ties and share of production facilities (metallurgy of bronze, iron, cattle breeding) with the local population in exchange of products of hunting and fishing.

Keywords: Baikal region, Bronze Age, Early Iron Age, slab graves, dissemination of monuments, dating, historical interpretation, economy, exchange.

References

Agapitov N. N. Pribaikalskie drevnosti: izobrazheniya na utesakh Baikala, gorodishcha Irkutskoi gubernii [The Cis-Baikal ancients: picture on the rocks of Lake Baikal, ancient settlement of the Irkutsk province]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of East-Siberian Department of Russian geographical society]. Irkutsk, 1881, Vol. XII, Is. 4–5, pp. 1–23. (In Russ.)

Volkov V. V. *Bronzovyi i rannii zheleznyi vek Severnoi Mongolii* [Bronze Age and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulan-Bator, Academy of Science of Mongolian People's Republic, 1967, 148 p. (In Russ.)

Goryunova O. I. Rannii zheleznyi vek na territorii Predbaikaliya (sovremennoe sostoyanie problemy) [Early iron age on the territory of Cis-Baikal region (current state of the problem)]. *Etnokulturnye protsessy v regione Vostochnoi Sibiri i ikh sotsialno-kulturnaya dinamika* [Ethno-cultural processes in Eastern Siberia and socio-cultural dynamics]. Ulan-Ude, 1993, pp. 76–80. (In Russ.)

Goryunova O. I., Vorobieva G. A. Osobennosti prirodnoi obstanovki i materialnaya kultura Priolkhoniya v golotsene [Features of the natural environment and material culture of the Olkhon area in the Holocene]. *Paleoekonomika Sibiri* [Paleoeconomic of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 40–54. (In Russ.)

Grishin Yu. S. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepno-go Zabaikaliya* [Sites of Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age of forest-steppe of Transbaikalia]. Moscow, Nauka, 1981, 204 p. (In Russ.)

Grishin Yu. S. Nekotorye voprosy o pamyatnikakh kultury plitochnykh mogil v Predbaikale i na Baikale [Some questions about sites of culture of the tile graves in Cis-Baikal region and on Lake Baikal]. *Kultury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikaliya i Mongolii* [The culture and sites of Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, Buryat scientific center SB RAS Publ., 1995, pp. 63–64. (In Russ.)

Dashibalov B. B. Plitochnye mogily ostrova Olkhon [Tile graves of Olkhon Island]. *Kultury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikaliya i Mongolii* [The culture and sites of Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, Buryat scientific center SB RAS Publ., 1995, pp. 79–83. (In Russ.)

Derevyanko A. P. Drevnie kultury Mongolii [Ancient cultures of Mongolia]. *Arkheologiya Zarubezhnoi Azii* [Archaeology of Foreign Asia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, pp. 234–250. (In Russ.)

Dikov N. N. *Bronzovyi vek Zabaikaliya* [The Bronze Age of the Transbaikalia]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1958, 180 p. (In Russ.)

Zaitsev M. A., Svinin V. V. Mogilnik rannego zhelezного veka Khuzhir II (o. Olkhon na Baikale) [The burial ground of the Early Iron Age of Khuzhir II (Olkhon Island on the Lake Baikal)]. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoi Sibiri* [Archaeology and Ethnography of Eastern Siberia]. Irkutsk, 1978, pp. 39–41. (In Russ.)

Kichigin D. E. *Pozdnii bronzovyi i rannii zheleznyi veka Severo-Zapadnogo poberezhnaya ozera Baikal [The Late Bronze and Early Iron Ages of North-Western coast of Lake Baikal. Cand. of histor. sci. syn. diss.]*. Vladivostok, 2012, 17 p. (In Russ.)

Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya [Ancient Mongolia]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 383 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Novye dannye po drevneishei istorii Vnutrennei Mongolii [New data on the ancient history of Inner Mongolia]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]*. 1951, Is. 4, pp. 162–174. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Istoriya Yakutskoi ASSR [The History of the Yakut ASSR]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955a, Vol. 1, 432 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya. Glazkovskaya kultura [Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region. Glazkovskaya culture]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955b, part III, 374 p., (Materials on the History and Archaeology, Is. 43) (In Russ.)

Okladnikov A. P. Drevnee naselenie Sibiri i ego kultura [Ancient population of Siberia and its culture]. *Narody Sibiri [The Peoples of Siberia]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 21–107. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Novoe v izuchenii drevneishikh kultur Mongolii (po rabotam 1960 g.) [New in the study of ancient cultures of Mongolia (the research of 1960)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1962, Is. 1, pp. 83–90. (In Russ.)

Svinin V. V. Tyrganskii mogilnik [The Tyrganskiy burial ground]. *Uchenye zapiski Irkutskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya [Proceedings of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore]*. Irkutsk, 1971, Is. 4, part 1, pp. 140–144. (In Russ.)

Tivanenko A. V. *Drevnee naskalnoe iskusstvo Buryatii [Ancient rock art of Buryatia]*. Novosibirsk, Nauka, 1990, 208 p. (In Russ.)

Tivanenko A. V., Tsybiktarov A. D. Severobaikalskii ochag selenginskikh petroglifov [The North Baikal center of Selenga petroglyphs]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 g. [Archaeological discoveries of 1978]*. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 276–277. (In Russ.)

Turkin G. V. *Lesostepnoe Predbaikalie v kontse II – I tys. do n.e. (po materialam pogrebalno-pominalnykh kompleksov) [Forest-steppe Cis-Baikal region in the late II – I thousand BC (on materials of funeral complexes). Cand. of histor. sci. syn. diss.]*. Vladivostok, 2003, 24 p. (In Russ.)

Turkin G. V. Pogrebalnaya obryadnost naseleniya Predbaikaliya v kontse II – I tys. do nashei ery (k voprosu ob etnokulturnoi situatsii) [The funeral rites of the population of the Cis-Baikal region in the late II – I thousand BC (the question of ethno-cultural situation)]. *Tsentrlnaya Aziya i Pribaikalie v drevnosti [Central Asia and the Cis-Baikal region in ancient times]*. Ulan-Ude, Buryat State University, 2004, Is. 2, pp. 82–93. (In Russ.)

Khamzina E. A. Plitochnyi mogilnik v Barguzinskoi doline [Tile burial ground in the Barguzin valley]. *Po sledam drevnikh kultur Zabaikaliya [On the traces of ancient cultures of Transbaikalia]*. Novosibirsk, Nauka, 1983, pp. 75–85. (In Russ.)

Kharinskii A. V. O poyavlenii skotovodstva v Predbaikalie [On the emergence of pastoralism in Cis-Baikal region]. *Tretii istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova [The third historical readings in memory of M. P. Gryaznov]*. Omsk, Omsk State University Publ., 1995, part II, pp. 95–98. (In Russ.)

Kharinskii A. V. Zapadnoe poberezhie ozera Baikal v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The West coast of Lake Baikal in I Millennium BC – I Millennium AD]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, Irkutsk State Technology University Publ., 2005, Is. 3, pp. 198–215. (In Russ.)

Kharinskii A. V., Zaitsev M. A. Issledovanie plitochnykh mogil Priolkhoniya [A study of tile graves of the Olkhon region]. *Obozrenie rezultatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dalnego Vostoka v 1993 g. [A review of*

the results of field and laboratory research of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and Far East in 1993]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 1995, pp. 195–197. (In Russ.)

Kharinskii A. V., Zaitsev M. A., Svinin V. V. *Plitochnye mogily Priolkhoniya [Tile graves of the Olkhon region]*. Ulan-Ude, Buryat scientific center SB RAS Publ., 1995, pp. 64–78. (In Russ.)

Khlobystin L. P., Studzitskaya S. V. Bronzovyi vek Vostochnoi Sibiri [The Bronze Age of Eastern Siberia]. *Epokha bronzy lesnoi polosy USSR [The Bronze Age forest belt of USSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 327–350. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR]) (In Russ.)

Khloroshikh P. P. Issledovaniya kamennogo i zheleznoogo veka Irkutskogo kraia [Study the Stone and Iron Ages of Irkutsk region]. *Izvestiya Biologo-geograficheskogo nauchno-issledovatel'skogo Instituta pri Irkutskom gosudarstvennom universitete [Proceedings of Biological and Geographical scientific research Institute of Irkutsk State University]*. Irkutsk, 1924, Vol. 1, Is. 1, 51 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Otchet o polevykh issledovaniyakh letom 1978 g. na Severnom Baikale [Report on field studies in the summer of 1978 in Northern Baikal]*. Ulan-Ude, 1979, 13 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnykh mogil Zabaikaliya i Mongolii [The culture of the tile graves of Transbaikalia and Mongolia. Cand. of histor. sci. syn. diss.]*. Moscow, 1989, 24 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnykh mogil Zabaikaliya i Mongolii [The culture of the tile graves of Transbaikalia and Mongolia]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Buryatiya v drevnosti [Buryatia in ancient times]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 1999, 264 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Tsentrálnaya Aziya v epokhu bronzy i rannego zheleza (II – pervaya polovina I tys. do n. e.) [Central Asia in the Bronze Age and Early Iron Age (II – the first half I thousand BC). Doc. of histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 2003, 49 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. Drevnie migratsii v Tsentralnoi Azii v epokhu bronzy i rannego zheleza: prichiny i posledstviya [Ancient migrations in Central Asia in the Bronze Age and Early Iron Age: causes and consequences]. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Ulan-Bator, Mongol State University Publ., 2012, Is. 3, Vol. 1, pp. 283–292. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. Etapy vzaimootnoshenií naseleniya kultury plitochnykh mogil i kultury kherekurov v Tsentralnoi Azii v «epokhu velikogo pereseleniya narodov» bronzovogo veka [The stages of relationship of the population of tile graves culture and the kherekur culture in Central Asia in the "era of the great migration of peoples" of the Bronze Age]. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Chita, 2013, part 1, pp. 360–373. (In Russ.)

Цыбиктаров Александр Дондопович

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
и отечественной истории
Бурятский государственный университет
670000, Россия, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Tsibiktarov Alexander Dondopovich

Doctor of Sciences (History),
Professor of Department of World
and Russian History
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, Republic of
Buryatia, Russia, 670000
t-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com